

— Хэ-эр...

— Хэ-эр...

— Цзянь Сюэхэ...

Воспоминания Цзянь Сюэхэ превратились в сплошной хаос. Перед глазами мелькали обрывочные сцены: то Минну на собственных плечах вытаскивает его из подземного дворца, то сует в руки холодную яшмовую траву, бережно перевязывает раны и ухаживает за ним.

В конце концов в сознании запечатлелось лицо юноши. Минну обернулся, тепло улыбаясь, и его влажные, кроткие, как у олененка, глаза, казалось, заглянули в самую глубину души.

— Хэ-эр...

Резкая боль в груди заставила Сюэхэ прийти в себя. Он открыл глаза. Все тело пробрал ледяной холод. Первым, что он увидел, было бледное от тревоги лицо матери.

Это была госпожа Цзянь.

— Хэ-эр очнулся! Позовите лекаря! — тут же скомандовала она.

Вскоре у постели появился лекарь. Он осторожно коснулся запястья юноши, прощупывая пульс.

— Как он? — спросила госпожа Цзянь.

— Опасность миновала, — ответил лекарь. — Однако прошлая травма пустила глубокие корни. Боюсь, теперь молодого господина часто будут одолевать приступы слабости... а его самосовершенствование потребует во сто крат больше усилий и мук, чем обычно.

Госпожа Цзянь нахмурилась:

— Неужели ничего нельзя сделать? Это помешает его пути?

— Всё зависит от стойкости духа молодого господина. Если он сумеет превозмочь боль, то и тяготы совершенствования ему будут не страшны.

— Мой сын всегда отличался нестигаемым нравом, — вздохнула госпожа Цзянь. — Коль дело лишь в боли, это полбеда... Меня беспокоит его здоровье в целом.

Дальнейшие слова лекаря Сюэхэ уже не слушал, погружившись в собственные мысли. Закончив расспросы, мать отослала лекаря и слуг. В просторном покое, где каждая деталь интерьера была тщательно подобрана по ее воле, повисла тишина, разбавляемая лишь тонким ароматом благовоний.

— Как ты ухитрился так тяжело пораниться, Хэ-эр? Объясни матери, — заговорила госпожа Цзянь. — Неужели всё из-за уговора с кланом Цзинь?

Сюэхэ слушал безучастно, даже не дрогнув ресницами.

— Да, — обронил он безжизненным голосом. — Произошла непредвиденная случайность.

— Я уже расспросила старейшин из Академии Пути Меча, — продолжила госпожа Цзянь. — Твое нынешнее состояние не позволяет возвращаться к учебе. Ближайшее время ты проведешь в поместье, восстанавливая силы. Но есть еще кое-что... Цзянь Минну. Ты взял его с собой, но обратно он не вернулся. В Академии вызвались присмотреть за ним. Говорят, пока не разберутся с той тварью, отпускать его нельзя. Что думаешь об этом, Хэ-эр?

Госпожа Цзянь внимательно следила за лицом сына, но оно оставалось непроницаемой маской.

— В конце концов, он всего лишь прислужник для взращивания пилюль, сосуд, который теперь бесполезен. Если он тебе больше не люб, я велю избавиться от него, когда придет время.

— Как пожелаете, матушка, — безучастно отозвался Сюэхэ.

Однако перед его мысленным взором вновь возник образ Минну. Ресницы юноши едва заметно дрогнули, и он опустил взгляд, пряча бушевавшие в глубине души чувства.

Когда Сунцзин вызвал к себе Минну, тот еще жевал сладости. Ли Сяохо шел следом, уплетая лепешку под своей маской.

— Заходите, старший брат Сунцзин ждет вас внутри, — поторопил их дежурный ученик.

Минну поспешно запихнул в рот последний кусок — не хватало еще, чтобы Сунцзин отчитал их за самовольный побег в город. Остатки лакомства он торопливо спрятал за пазуху.

— Старший брат Сунцзин, — послушно поздоровался Минну. На миг он отвлекся. Продав серебряный лотос, они выручили немало духовных камней. Но, сколько Минну ни присматривался, он так и не заметил, чтобы Ли Сяохо купил на них холодную яшмовую траву. Впрочем, у Сяохо наверняка были свои соображения. Раз Минну уже отдал ему добычу, лезть

не в свое дело не стоило.

Стоило им переступить порог, как раскладывавший по полкам свитки Сунцзин обернулся. Увидев вошедших — одного с перепачканным крошками ртом, другого с охапкой шуршащих масляных свертков, — он сразу все понял.

— Ну надо же, — со смешком покачал головой Сунцзин. — Всего ничего в Академии, а уже наловчились тайком сбегать с горы за покупками?

Он подошел и бережным движением смахнул крошку с уголка губ Минну.

Смутившись, Минну отвел глаза и тихо пробормотал:

— Мы... мы обменяли их в лавке редкостей.

Пытаясь сменить тему, он быстро добавил:

— Зачем ты нас звал, старший брат?

— Вообще-то я звал тебя, а этот просто увязался следом за компанией, — Сунцзин бросил короткий взгляд на Ли Сяохо.

До него доходили слухи, что после возвращения с испытания эти двое днями напролет корпели над трактатами по боевым построениям и фехтованию. Видимо, столкновение со злым духом заставило их осознать собственное бессилие. Сунцзин без труда читал мысли юношей. Ли Сяохо, бесспорно, был одарен — во время первой проверки он шутя распутал самый сложный узор заклęcia. Однако недавнее поражение больно ударило по его самолюбию, сделав еще более нелюдимым. Что касается второго — Минну всегда казался немного простоватым, но его упорство и на удивление тонкое чутье искупали любые недостатки.

— Я ведь обещал проверить твои духовные каналы. Подойди ближе, — Сунцзин сдвинул книги на край стола, освобождая место для камня исследования душ.

Гладкий нефритовый голыш тепло-зеленого цвета тускло лежал на темном дереве.

— Положи руку сюда. Посмотрим, какова твоя кость совершенствования.

Вообще-то эту проверку можно было и пропустить: Минну никогда не занимался дыхательными практиками и не умел направлять духовную энергию, так что камень не должен был среагировать.

Минну послушно опустил ладонь на прохладный нефрит.

Стоявший поодаль Ли Сяохо продолжал лениво жевать лепешку, которой с ним поделился друг. Ему и смотреть не требовалось — результат был очевиден.

Однако в следующий миг камень исследования душ вдруг слабо замерцал. Лепешка застряла у Сяохо в горле. В комнате повисла оглушительная тишина. Даже обычно невозмутимый Сунцзин растерялся. На его лице отразилось крайнее замешательство.

Не понимая, что происходит, Минну лишь удивленно захлопал ресницами.

— А-Ну, попробуй еще раз, — негромко попросил Сунцзин.

Юноша убрал руку и снова прижал ладонь к камню. Тот послушно отозвался мягким изумрудным свечением. Ли Сяохо во все глаза уставился на мерцающий нефрит, а лицо старшего брата сделалось серьезным.

— Ты действительно никогда прежде не ощущал ци? — спросил Сунцзин.

Минну растерянно посмотрел на свою ладонь. Без пробуждения духовных каналов почувствовать движение энергии в теле невозможно. Он покачал головой, робко поинтересовавшись:

— Старший брат Сунцзин... что это значит?

— Видишь ли, отличить простого смертного от заклинателя несложно. Любой сильный практик с первого взгляда определит ступень развития того, кто слабее. У тебя нет духовных сил... но камень светится. Это означает, что твои кости бессмертия пробудились. Теперь ты ничем не отличаешься от начинающих адептов.

Сунцзин на мгновение замолчал. Ему еще не доводилось сталкиваться с подобным чудом, хотя в Девяти провинциях возможно всё.

— То есть... — Минну затаил дыхание, его глаза восторженно округлились. — То есть я могу совершенствоваться? Просто внешне это незаметно, и все будут принимать меня за обычного человека?

— Именно так, — кивнул Сунцзин. — Постой, разве при поступлении в Академию тебя не проверяли камнем?

Насколько он помнил, тогда каналы Минну спали глубоким сном. Если они открылись сейчас, объяснение могло быть только одно: во время смертельной опасности на испытании в его теле

произошел качественный сдвиг, изменивший саму его суть. Обойтись здесь без редчайших эликсиров или вмешательства высших сил было практически невозможно. Истинное благословение небес.

— Ну да ладно, это твоя личная судьба, — улыбнулся старший брат. — Дай-ка руку.

Повинуясь его жесту, Минну протянул ладонь. Сунцзин сосредоточил на кончике своего пальца крошечную каплю духовной энергии и мягко коснулся ладони юноши. Минну вздрогнул: по телу словно пробежал слабый разряд тока, а в меридианах заструилось теплое, едва ощутимое течение, похожее на весенний ручеек.

— Чувствуешь? — спросил Сунцзин.

Минну закивал. На щеках его проступил лихорадочный румянец, глаза сияли восторгом, а сам он словно парил в облаках от счастья.

Сяохо молча наблюдал за ними из-под маски, переводя взгляд то на их руки, то на мерцающий камень, и озадаченно склонил голову набок.

— Невероятное везение, — задумчиво произнес Сунцзин. — И все же ты упустил лучшее время для начала тренировок. Придется наверстывать упущенное с самых азов, а этот путь потребует от тебя в разы больше пота и слез, чем от остальных учеников.

— Я справлюсь, старший брат! Буду трудиться не покладая рук! — горячо пообещал Минну, а затем с легкой тревогой спросил: — Но если я внешне кажусь обычным человеком, не выйдет ли мне это боком?

— Серьезной беды в этом нет, — успокоил его Сунцзин. — Разве что нечисть при встрече всегда будет целиться в тебя первого, принимая за легкую добычу. Да и другие заклинатели вряд ли станут воспринимать тебя всерьез: на совместные задания звать побоятся, а во время состязаний непременно выберут в соперники, надеясь на быструю победу.

Проще говоря, от него за версту будет веять слабостью.

— Я все понял, — улыбнулся Минну, ничуть не убавив своего пыла.

В прошлой жизни путь совершенствования был для него закрыт навек. Он упустил драгоценное детство, будучи всего лишь бесправным сосудом. Но сейчас судьба совершила крутой поворот, подарив ему равные возможности с остальными адептами орденов. Разве мог он не радоваться?

— С сегодняшнего дня начнешь осваивать базовые техники. Ли Сяохо прекрасно в них разбирается, пусть станет твоим наставником. Если столкнетесь с трудностями — сразу идите ко мне, — распорядился Сунцзин.

Перед тем как отпустить их, он еще раз тщательно проверил духовные потоки обоих юношей, чтобы убедиться, что внутри не затаилась скверна злых духов.

— Ах да, старший брат, — окликнул его у порога Минну. — А как поживает... брат Хэ?

Последние дни от Цзянь Сюэхэ не было никаких вестей, и это не давало А-Ну покоя. В глубине души он таил темную, злорадную надежду: как было бы славно однажды услышать весть о его кончине.

— Его жизни ничто не угрожает, — ровно ответил Сунцзин. — В Академию он больше не вернется, его дальнейшим восстановлением займется Поместье Цзян.

Совершенно сухие, казенные новости. Похоже, их пути с Сюэхэ разошлись окончательно. В мыслях Минну промелькнуло суровое лицо госпожи Цзянь. Чтобы не оставаться беззащитной игрушкой в чужих руках, ему нужно как можно скорее стать сильнее.

Они вместе вышли из покоев Сунцзина. Ли Сяохо, все еще дожевывая лепешку, то и дело искоса поглядывал на спутника. В конце концов Минну не выдержал:

— Сяохо, ты хочешь мне что-то сказать?

Тот покачал головой. Он знал, что Маленький Янь-ван серьезно пострадал, и хотел спросить, не связано ли внезапное пробуждение каналов Минну с ранением его господина, но вовремя прикусил язык. Он видел: весть о том, что Сюэхэ больше не вернется в Академию, принесла А-Ну искреннее облегчение.

— Тебе... повезло, — коротко подвел итог Сяохо.

Минну отлично помнил, что отдал добытую холодную яшмовую траву другу. Не сделай он этого, непременно подумал бы, что целебная сила растения каким-то чудом усвоилась его собственным организмом.

— У меня... тоже много планов, — шутливо передразнил он манеру речи Сяохо.

Тот с любопытством уставился на него.

— Я хочу поступить в один из четырех великих орденов. Уйти отсюда. Хочу перестать быть пешкой в чужой игре, — твердо произнес Минну и спросил: — А ты?

Ли Сяохо промолчал, лишь негромко заметил:

— Тебе придется несладко. Совершенствование — суровая штука.

Минну мысленно кивнул. Уж к чему-чему, а к трудностям ему было не привыкать. В прошлой жизни он сполна познал, каково это — делить чужую физическую боль. Вряд ли изнурительные тренировки окажутся мучительнее тех истязаний.

Со следующего утра он принялся будить друга еще до первых лучей солнца. Раньше Сяохо всегда поднимался первым, но теперь Минну опережал его, требуя немедленно вести его на тренировки и обучать искусству направления ци.

Сяохо безропотно подчинялся и вел его на дальний лесистый склон. Заметив, что Минну по-прежнему таскает на поясе игрушечный Миниатюрный меч, Ли Сяохо отобрал его и, немного подумав, вложил в руки друга собственный меч.

От неожиданной тяжести Минну едва не выронил оружие, удерживая его обеими руками из последних сил.

— Сначала научись... держать меч, — скомандовал Сяохо. — Ты слишком слаб.

Минну обиженно поджал губы. Он хотел возразить, но тяжелый вороненый клинок выскользнул из его пальцев и с глухим стуком повалился на примятую траву.

— Обычные мечи не могут быть такими неподъемными! — упрямо буркнул он.

Сяохо одарил его скептическим взглядом.

— Меч старшего брата Сунцзина куда тяжелее моего. А этот — сущие пушинки.

Потренировавшись часок на горном склоне, они спешили на занятия. Во время уроков Сяохо набросал для друга подробный план тренировок.

Сперва следовало укрепить тело, затем перейти к сбору духовной энергии, и лишь потом браться за изучение магических кругов и фехтования. Одно только укрепление мышц и сухожилий могло занять у Минну добрых полгода.

Жизнь А-Ну превратилась в череду монотонных, изнурительных будней. За бесконечными взмахами меча дни летели с бешеной скоростью. Первое время соученики еще перешептывались о Цзянь Сюэхэ, но спустя три месяца о бывшем лучшем адепте почти забыли. Вестей из Поместья Цзян больше не приходило. Лишь в кошмарах Минну по-прежнему являлся Сюэхэ из его прошлого — жестокий, равнодушный юноша в алых одеждах, без тени сомнения вонзающий клинок прямо ему в сердце.

Полгода Минну и Ли Сяохо тренировались бок о бок, неустанно подгоняя и проверяя друг друга. Если Сяохо не мог ответить на сложные вопросы о циркуляции ци, Минну бежал к Сунцзину. Поэтому весть о скором отъезде старшего брата искренне его опечалила.

Сунцзин был старше их на несколько лет и теперь отправлялся на Великое собрание Пути бессмертных для прохождения испытаний в высшие ордены. Понимая, что после этого они могут больше никогда не встретиться, Минну грустно спросил:

— Какой орден ты выберешь, старший брат?

Сунцзин всегда относился к нему с теплотой, и Минну было тяжело его отпускать.

— Гляди-ка, а ты подрос за последнее время, — улыбнулся Сунцзин, потрепав его по плечу. — Какой выберу... Скорее уж, кто из них согласится принять меня. Пока меня не будет, не бездельничайте тут. И не забывайте писать мне письма.

Он, конечно, скромничал. Слава о талантах Сунцзина давно разнеслась по Девяти провинциям, и поговаривали, что все четыре великих ордена спали и видели, как бы заполучить его к себе.

— Но мы ведь даже не знаем, где ты остановишься, — возразил Минну.

— Как только обоснуюсь на новом месте, сразу пришлю весточку, — пообещал Сунцзин.

Он ласково взъерошил волосы обоим мальчишкам. Ли Сяохо за эти месяцы заметно вытянулся и теперь казался чуточку выше Минну.

— Заботьтесь друг о друге. Если случится беда — сразу идите к старейшине Сюймэню. А если заскучаете... что ж, поступайте в великие ордены и разыщите меня.

Минну молча смотрел на него своими огромными, ясными глазами. За полгода его кожа разгладилась и посветлела, черты лица утратили детскую угловатость, обещая со временем превратить юношу в настоящего красавца. Под этим кротким, преданным взглядом у Сунцзина невольно дрогнуло сердце.

— Я буду писать вам при первой же возможности. И обязательно навещу, как только выпадет свободный день, — добавил он, доставая из рукава два свертка. — Вот, примите мои скромные прощальные подарки. Тебе, Сяохо, я дарю яшму младенческой души — она поможет укрепить твоего призванного духа. А для Минну я приготовил меч. Теперь, когда ты освоил азы управления ци, тебе нужно достойное оружие.

Сунцзин бережно развернул темную плотную ткань.

— Этот клинок зовется Мечом Пресечения Душ, Дуаньлином. Он был выкован в месте сосредоточения чистейшей иньской энергии. Нрав у него капризный, он неохотно признает хозяев, но мне кажется... тебе он может подойти. Попробуй подчинить его своей воле.

<http://bllate.org/book/20439/2202258>